

¹⁸ См.: Погорелов В. И. Отчет к открытому листу № 147 об археологических исследованиях Толучеевского отряда на территории Среднего Дона в 1986 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 11784.

¹⁹ См.: Колода В. В. Работы 2003 г. на городище Коробовы Хутора и в его округе // Археологічні відкриття в

Україні 2002–2003 рр. / ред. Н. О. Гаврилук. Київ, 2004. С. 167–169.

²⁰ См.: Разуваев Ю. Д., Горбаненко С. А. К характеристике земледельческого хозяйства населения городищ культуры бассейна Дона и Цны // Российская археология. 2015. № 3. С. 17–28.

УДК 94(47)

САРАТОВСКИЙ УЧИТЕЛЬ А. И. ШЕСТАКОВ – ПЕРВЫЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ДИРЕКТОР НАРОДНЫХ УЧИЛИЩ В РОССИИ И ЕГО ОБЩЕСТВЕННО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЕ ВЗГЛЯДЫ НА РУБЕЖЕ XVIII–XIX ВЕКОВ

Л. М. Артамонова

Самарский государственный институт культуры
E-mail: artamonovoi@mail.ru

В статье показано, что важную роль в развитии школьного образования в России конца XVIII – начала XIX в. сыграл учитель Саратовского главного народного училища А. И. Шестаков. Он многое сделал для повышения социального статуса учителя. Шестаков стал первым профессиональным педагогом, которого назначили директором народных училищ одной из русских губерний. По своим общественным и педагогическим взглядам он был сторонником сословного образования и возражал против либеральной направленности школьных реформ Екатерины II и Александра I.

Ключевые слова: «просвещенный абсолютизм» в России, история русской культуры, образование, школьные реформы, гимназии, пансионы, общественная мысль.

Saratov Teacher A. I. Shestakov as the First Professional Director of Public Schools in Russia and his Socio-educational Views at the End of the XVIII and in the Beginning of the XIX Century

L. M. Artamonova

The article shows that Saratov teacher Shestakov played an important role in the development of school education in Russia in the late XVIII – early XIX centuries. He has done much to improve the social status of a teacher. Shestakov became the first professional teacher, who was appointed principal of public schools in one of the Russian provinces. As for his public and pedagogical views, he was the supporter of class education and objected to the liberal orientation of school reforms of Catherine II and Alexander I.

Key words: «enlightened absolutism» in Russia, history of Russian culture, education, school reforms, gymnasiums, boarding-schools, public thought.

DOI: 10.18500/1819-4907-2016-16-2-211-217

Имя Андрея Ивановича Шестакова не забыто в истории российского просвещения. Оно уже давно оказалось связанным, прежде всего, с открытием саратовской гимназии¹. Вполне понятно, почему о нем писали и пишут преимущественно саратовские краеведы² и те из ученых, кто занимается вопро-

сами истории культуры и народного образования этого края³.

Вместе с тем история создания гимназии – лишь заключительный эпизод трудов А. И. Шестакова на ниве просвещения. Основная часть его биографии и характеристика взглядов как общественного деятеля и организатора народного образования требует специального рассмотрения. Такую возможность представляют дела, связанные с его службой по училищному ведомству и собственноручные записки, а также другие документы, которые были обнаружены в Российском государственном историческом архиве (РГИА), Национальном архиве Республики Татарстан (НАРТ) и в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА).

Жизненный путь А. И. Шестакова относится не только к эпохе Александра I, о чем преимущественно его биографы писали прежде. Значительная часть этого пути была пройдена в предыдущие царствования, особенно во времена Екатерины II. Характерная биография Шестакова, прекрасное знание им проблем отечественного образования и наличие собственной точки зрения на пути их решения рассмотрены в настоящей работе. За ее рамками остались достаточно известные детали открытия гимназии в Саратове.

А. И. Шестаков являлся уроженцем Казани и там же в 1772 г. поступил в местную семинарию. В 1783 г. он был переведен в учительскую гимназию в Петербурге, где удостоился чести держать публичный экзамен в присутствии Екатерины Великой, что подтверждает его послужной список, составленный в 1820 г. К предметам, изученным в духовной семинарии, а именно к «грамматике, закону Божию, латинскому языку, поэзии и философии», в Петербурге добавлено было обучение «русской грамматике, риторике, логике, арифметике, алгебре, геометрии, плоской и сферической тригонометрии, физике, механике, архитектуре, географии, истории гражданской и естественной, частью химии, немецкому языку и рисовать»⁴.

В числе других самых первых преподавателей провинциальных общеобразовательных школ

России Шестаков был определен учителем «математических наук» старших классов Саратовского главного народного училища в 1786 г. Вопреки бытующему в литературе мнению А. И. Шестаков не являлся «первым директором главного народного училища» в Саратове, возглавившим его более 20 лет⁵, а был поначалу рядовым учителем.

Впрочем в регионоведческой литературе есть и другие неточности, например, о первоначальном нахождении Саратовского главного народного училища в подчинении «симбирской дирекции». Неверно и то, что А. И. Шестаков был назначен директором в это народное училище в 1800 г.⁶

Собственно должности директора конкретного училища не существовало. Руководил работой учителей в главном народном училище в губернском центре и в малых народных училищах в уездных городах директор народных училищ губернии. Эту должность повсеместно с начала реализации школьной реформы Екатерины II заняли отнюдь не педагоги, а чиновники местной администрации, причем достаточно высокого ранга.

При подготовке школьной реформы Комиссия народных училищ настояла на том, чтобы, вверив «главное на месте об училищах попечение губернаторам, яко председателям Приказов общественного призрения», все же ввести специальное должностное лицо по школьной части. Она предложила поручить «особливое над училищами смотрение директорам народных училищ, бессменно в Приказах заседать имеющим»⁷.

О высоком статусе директора училищ свидетельствовало то, что назначался он генерал-губернатором. Это обеспечивало ему некоторую независимость положения в губернской администрации. Должность директора была достаточно привлекательной для чиновников, являлась штатной и оплачиваемой. Кроме того, не запрещалось совмещать эту должность с другими видами службы, это открывало возможность занимать ее по совместительству, не покидая ради нее более престижных и доходных мест.

Сложилась довольно непростая ситуация, когда над школами губернии начальствовал, с одной стороны, сам губернатор в качестве председателя местного Приказа общественного призрения и попечителя училищ, а с другой – не подчиненный ему напрямую директор училищ. В Саратове ее сначала разрешили очень просто. Правитель наместничества (губернатор) И. И. Поливанов, «желая употребить все меры возвысить училище, принял на себя звание директора». Эта ситуация была временной и закончилась в 1787 г., когда генерал-губернатор В. А. Чертков поручил исполнение должности директора училищ «на время» губернскому землемеру Ханыкову⁸.

Однако уже 3 августа 1788 г. на эту должность был назначен «царицынской расправной судья Захар Острожский». На назначение 34-летнего малороссийского шляхтича директором училищ губернии повлияло хорошее образование, которое

тот получил сначала в Петропавловской немецкой школе Петербурга, затем в Большой школе г. Дерпта в Прибалтике, а затем в одном из германских университетов, где изучал медицину, юриспруденцию и философию. Именно его преемником на указанной должности предстояло стать Шестакову в 1803 г. Начало службы самого Шестакова считалось с 22 сентября 1786 г., когда открылось одно из первых в провинции Саратовское главное народное училище. Тогда ему было около 22 лет от роду. Можно уверенно сказать, что родился Шестаков в 1764 г., на эту дату указывают сведения о его возрасте во всех известных документах о его службе. Дата кончины известна точнее – 28 февраля 1820 г.⁹

Упомянутые документы выделяют несколько ключевых событий служебной карьеры А. И. Шестакова. Вернее надо сказать, что сама его служба прокладывала для будущих поколений русских учителей возможности повышения своего социального положения. Статус службы по новому для России училищному ведомству был определен не сразу. В стратификации русского общества XVIII в. важнейшую роль играли сословные признаки: принадлежность к служилому или податному состоянию, привилегированное или непривилегированное положение, наличие чина по Табели о рангах и класс этого чина. Учительство народных училищ рассматривалось как служилое состояние, наряду с военными и гражданскими чиновниками. Однако до 1794 г. вопрос о чинопроизводстве преподавателей народных училищ в классные чины Табели о рангах не ставился. Статус учителей выглядел приниженным даже по сравнению с теми канцелярскими служащими, которые имели младшие офицерские чины, не говоря уже о гражданских администраторах более высокого ранга. В результате просьбы и жалобы учителей оставались без движения, поскольку, «не имевши сперва офицерских чинов, они не имели голосу и прав офицерских»¹⁰.

В § 54 Устава народных училищ Екатерины II говорилось, что все учителя, обучающие в народных училищах, считаются в действительной службе и могут ожидать «тех же воздаяний, которые рачительною службою в других званиях приобретаются». Поскольку ближайшей аналогией новому виду службы по школьному ведомству рассматривалась служба по ученой части, то в 1794 г. Комиссия народных училищ предложила чинить учителям производство тем же порядком, что был предусмотрен для профессоров, магистров и студентов. За 6–8 лет выслуги и беспорочной службы учитель, работавший в младших классах училища, мог быть произведен в 14-й класс Табели о рангах, который соответствовал первому армейскому офицерскому чину прапорщика и давал право на личное дворянство, а учитель, занимавшийся со старшими школьниками, – сразу в 12 класс (соответствует армейскому чину поручика). Общепринятые наименования гражданских чиновников 14-го класса (коллежский регистратор), а также

12 класса (губернский секретарь) были признаны неприличными для учителей. Поэтому Комиссия положила просто считать произведенных учителей в 12-м или 14-м классах без употребления канцелярских названий чинов¹¹.

Следующей ступенью в чиновничестве учителей после 14-го и 12-го класса следовал чин 9-го класса, на который педагог, если работал со старшеклассниками, мог претендовать за 10 лет выслуги. Начиная с этого класса учитель именовался полным названием гражданского чина, в данном случае титулярным советником, что соответствовало капитану в армии.

Впервые производство учителей в классные чины Табели о рангах было осуществлено в июле 1797 г. в царствование Павла I. Это говорит о надуманности обвинений императора в безусловной враждебности просветительским намерениям матери. Среди первых производства удостоились учителя Саратовского главного народного училища А. И. Шестаков и В. И. Скворцов, получившие чин 12-го класса. Через два года было осуществлено новое повышение учителей в чине. В 1799 г. во всей России были произведены в чин титулярного советника 23 учителя, в числе которых были опять Шестаков и Скворцов, в чин 12-го класса – 56 учителей, 14-го класса – 169 человек¹².

Вместе с тем возникала опасность оттока учителей, получивших классные чины Табели о рангах, с педагогической на другие виды государственной службы. Тогда Сенат по просьбе Комиссии народных училищ подтвердил указом во все присутственные места норму, которая впервые появилась в 1783 г. Согласно ей учителя, подготовленные за счет казны, не увольнялись и не принимались на другую службу без ведома Комиссии¹³.

В том же 1799 г. симбирский губернатор, хорошо знавший о педагогических и административных способностях А. И. Шестакова, выразил желание назначить его директором училищ своей губернии. Чин его по Табели о рангах теперь вполне соответствовал требованиям к этой должности.

Это предложение и его обсуждение имели большое значение для русской общеобразовательной школы. Комиссия народных училищ, куда предложение поступило, должна была принять решение не столько персональное, сколько принципиальное. Впервые в истории страны руководителем школьного дела в масштабах губернии мог стать профессиональный педагог, а не карьерный чиновник. С учетом этого Комиссия решила удовлетворить просьбу симбирского губернатора. Перемещение Шестакова с учительского на директорское место, сочла она, «может служить и прочим достальным учителям одобрением в прохождении их должностей»¹⁴. Возможности роста для служащих по училищному ведомству заметно расширились, а управление школами становилось более квалифицированным.

В начале XX в. составители описания архива Министерства народного просвещения сделали

ошибку, когда отнесли первые случаи определения учителей директорами народных училищ к 1801 г. (6 мая – в Тверской и 15 мая – в Вятской губерниях)¹⁵. Шестаков же вступил в эту должность 16 января 1800 г., его назначение произошло более чем на год раньше. Следовательно, именно он стал первым в России профессиональным педагогом, занявшим должность директора народных училищ целой губернии.

А. И. Шестакова тянуло назад в Саратов, причем его желание совпало с намерениями З. Л. Острожского. В марте 1803 г. был осуществлен взаимный перевод Шестакова из Симбирской губернии на должность директора саратовских училищ, а Острожского – на это же место в Симбирск¹⁶.

По возвращении на службу в Саратов в 1803 г. А. И. Шестаков оформил свои взгляды на русскую школу в особой записке. Удалось обнаружить две редакции его сочинения. Первый вариант, хранящийся сейчас среди дел Главного правления училищ в Петербурге, был представлен под заголовком «Нечто о просвещении в России» 27 апреля 1803 г. попечителю Казанского учебного округа А. А. Мантейфелю¹⁷. Тот передал записку в Главное правление училищ, где она была рассмотрена весьма формально. В журнале правления записано постановление оставить записку без какого-либо действия, поскольку уже приняты решения по осуществлению новой образовательной реформы, которые и следует исполнять.

Не получив никакого известия о судьбе своей записки, Шестаков 26 октября пишет новому попечителю Казанского округа С. Я. Румовскому и просит разрешения представить ее вторично. Румовский согласился ознакомиться с мнением саратовского директора. Так появился второй вариант записки Шестакова, который сейчас находится в архиве в Казани¹⁸. Этот вариант отличается от первого рядом добавлений к тексту, которые автор посчитал нужным сделать, чтобы усилить аргументацию своей позиции.

А. И. Шестаков настойчиво пытался донести свой взгляд, основанный на многолетнем опыте. Автор записки требовал «сильного и деятельнейшего ... внимания особенно на дворянство: ибо знание изящных наук, для выгод государственных, нужно сему классу людей паче, нежели прочим состояниям; и кажется, чтоб достигнуть всеобщего просвещения России надобно начать со всеобщего просвещения дворянства, которое при всех усилиях своих и поныне к тому не имеет достаточных способов». Важным средством привлечения дворянства в публичные школы должно было стать устройство при них пансионеров, но не за счет индивидуальной платы: «Надобно при учреждении сих заведений положить за неперемное, чтоб обучающееся в них дворянское юношество, без различия чинов или богатства родителей, содержалось на казенном иждивении»¹⁹.

Именно на устройство в первую очередь пансионеров, а не средних учебных заведений нового

типа – гимназий, оказались направлены основные усилия директора саратовских училищ в царствование Александра I. Авторы подчеркивают обычно техническую сторону вопроса – стремление Шестакова сначала подготовить в пансионе будущих учеников гимназии, а также финансовые трудности ее открытия, не зависящие от директора²⁰.

Думается, нельзя не учитывать и социальную сторону этого вопроса. Симпатии директора училищ были отданы пансионам именно как дворянским сословным учебным заведениям в отличие от гимназий, оставшихся всесословными, несмотря на возражения в его «Записке». О поддержке частных пансионов со стороны А. И. Шестакова прямо и в один голос говорили их содержатели М. Ронцевич, С. Троппе, Н. С. Квятковский. Они официально открыли свои заведения в 1812–1818 гг., но начали эту деятельность без препятствий со стороны училищного начальства еще раньше²¹. Распространение закрытого частного образования стало следствием роста культурного влияния дворянства в Саратове²².

Еще одним средством привлечения дворян к учебе должен был стать обязательный срок обучения. Просвещение иначе «не достигнет своего совершенства». Шестаков обращал внимание на то, что «дворянское юношество наше, даже разночинцы, всемерно спешат, чтоб не опоздать в службу, не от излишней к ней ревности, а дабы скорее получить только чинь». Если на обучение дворян не отвести «урочного времени», то учебные заведения «всегда будут наполнены одними малолетними, начинающими только и тотчас прекращающими свое учение»²³.

Хорошо организованная и привлекательная для дворян публичная школа, по мысли Шестакова, должна составить конкуренцию домашним воспитателям и учителям. Он не возражает, чтобы богатые дворяне давали маленьким детям «в облегчение гимназий» первоначальное образование дома, «но с крайнею осторожностью ничему больше, как языкам, дабы какой-нибудь иностранный бродяга не испортил детского понятия». Настаивая на раннем предваряющем основном образовании изучения иностранных языков как дома, так и в школе, Шестаков, видимо, исходил и из своего опыта. Как свидетельствуют документы, во время обучения в Учительской гимназии Шестаков «ходил в немецкий класс». Однако он признавался, что не овладел никакими иностранными языками, кроме латинского, который изучил еще в духовной семинарии²⁴.

В записке есть предложения, которые выглядят привлекательными для любого учебного заведения безотносительно его сословной направленности. Для привлечения детей в школы, как считал А. И. Шестаков, надо строить такие здания, которые отличались бы архитектурой и внутренним удобством. Они должны быть достойными цели обучения юношества России – «славного в свете государства», устраиваться «для свежести воздуха

на открытом месте, для забав, укрепляющих силы телесные, довольно обширные; для избежания развлечений и соблазнов, отделены от жительства, но не слишком в дальном от города расстоянии; и нужно стараться, чтоб при них были сады или рощи»²⁵.

Эта идеальная картина заметно отличалась от реалий конца XVIII – начала XIX в. Только с 1830-х гг. сады и скверы становятся одним из атрибутов окультуренного пространства поволжских городов²⁶. Сами же образовательные учреждения здесь первоначально «представляли собой печальное зрелище»²⁷, пока не стали получать приличествующие им здания. Так, во многом стараниями Шестакова было выстроено к 1 января 1801 г. добротное каменное здание Саратовского главного народного училища²⁸.

Расходы на образование, по мнению Шестакова, следовало увеличить, предварительно повысив доходы Приказов общественного призрения, на чьем содержании находились школы. Шестаков также выражал недовольство хозяйственным управлением училищ со стороны Приказов. «Недостаток усердия Приказов вникнуть во все подробности» не исправлялся ни губернаторами, которые слишком «многими делами озабочены», ни более высоким начальством. Так, в инструкции сенаторам для ревизии Саратовской губернии в 1802 г. предписывалось «особенное внимание» обратить на «Приказ общественного призрения, количество его капиталов, их употребление, состояние всех его заведений, как то, училищ, госпиталей и прочих»²⁹. Однако существенных улучшений деятельности Приказа и подведомственных ему учреждений в результате ревизии не произошло.

Шестаков специально оговаривал необходимость улучшения жилищных условий учителей, поскольку «в помещении надобно им доставить всякое спокойствие и одного от другого независимость; в противном случае заведутся неприимимые и стыд делающие ученому месту раздоры, а паче между семейными». Он ссылался на собственный директорский опыт, испытал «на себе всю тягость разбирать беспрестанные споры учителей, мирить их и никогда в том не успевать»³⁰.

Также Шестаков настаивал на повышении социального статуса учителя: «Должность его есть не последняя государственная обязанность. ... Но одни слова не произведут скоро такого самолюбия; тут не надобно щадить ни денег, ни почестей. Как звания сего есть цель важнейшая, и оно само по себе ... претрудное; то и выгоды от него должны быть не только равны тем, кои в других службах получают, но и превосходили бы их». Повышение общественного значения учительства ставило главной целью привлечь к педагогической деятельности дворян³¹.

Опытный педагог, попович по происхождению, чиновник невысокого ранга настаивал, как ни кажется это странным, на усилении сословного начала в образовании. Он выступал за обучение в

средних и высших учебных заведениях преимущественно дворян, за улучшение качества обучения, прежде всего, выходцев из благородного сословия. Шестаков считал необходимым ограничить доступ к среднему и высшему образованию, к чиновной, военной, даже научной карьере разночинцам, был бы рад и специальное образование, например медицинское, переложить на дворян.

Ограничение возможности получения высокого уровня образования сословным цензом не означало полного запрета. Хотя, по мнению Шестакова, для недворян «довольно и одних уездных училищ...», однако же и в гимназиях и университетах не возбранят учиться всякому, кроме крестьян, но только своекоштно, и не ограничивая урочным временем». При этом желательность прохождения детьми рядовых горожан полного курса уездного училища также ставилась Шестаковым под сомнение: «В народных училищах мещанин или небогатый купец старается, чтоб сын его кое-как выучился бы только читать и писать, а там поскорее и к делу»³². Заметим, не только в начале, но и в середине XIX в. среди учителей и директоров народных училищ в Поволжье было распространено мнение, что «главный недостаток» местных купцов и мещан – это застарелая «нелюбовь к общественному образованию», то есть к светской общеобразовательной школе³³. Такой же «антиобразовательный стереотип поведения городских семей» отмечен исследователями в школах на Урале³⁴.

Уездные училища Шестаков хотел бы заключить в более узкие сословные рамки и призывал обучать в них преимущественно сыновей офицеров и чиновников не из потомственных дворян. Шестаков утверждал, что «самое человеколюбивое, и для государства было бы преползное дело, ежели бы Приказы общественного призрения взяли на себя воспитывать при уездных училищах ... подьяческих и офицерских детей, не имеющих права на дворянство; где бы они, обучаясь также урочные годы, приобрели больше всего искусство в чистом и правильном письме, и что касается до приказного порядка». Подобное назначение уездных училищ «доставляло бы для всех присутственных мест хороших приказных, а излишние поступали бы в военную службу». Для большинства населения оставались, по Шестакову, элементарные приходские школы без профессиональных учителей, вместо которых занятия бы вели священники и церковнослужители. От них и должна исходить «благочестивая мысль об учреждении приходских училищ». Вместе с тем сам Шестаков вынужден был признать, что, несмотря на наличие семинарий, далеко не все духовенство может считаться достаточно образованным для занятия школьным делом³⁵.

Все эти мысли звучали в самую либеральную эпоху начала александровского царствования. Они заставляют задуматься об источниках будущего усиления консервативных настроений у самого

царя и в его окружении, в том числе по вопросам образования. Встает вопрос: не является ли односторонним распространенное мнение о том, что охранительные идеи насаждались в первой половине XIX в. исключительно сверху? К своим выводам Шестаков пришел не под влиянием, а вопреки тогдашней правительственной политике в области образования. В его записке преломились настроения значительной части провинциального общества, в том числе его непривилегированных слоев: «Предлагаемые мысли почерпал я из свойства нашего дворянства и прочих состояний, утверждаясь на опытах, чрез семнадцать лет мною дознанных, которое время имел я счастье быть главным народного училища учителем и, наконец, директором»³⁶.

Не думается, что Шестаков кривил душой и был движим корыстью при составлении своей записки. Правда, в письме А. А. Мантейфелю он представлял эту записку в обоснование просьбы оставить его в должности директора народных училищ. Однако такой цели он скорее бы достиг, выражая полное согласие с позицией правительства по школьному делу, носившей либеральный характер, а не предложениями по ее изменению.

Не двигала Шестаковым и корпоративная солидарность. Саратовский директор специально подчеркивал, что он «не дворянин, нельзя подозревать тут в пристрастии» его к благородному сословию, а руководствовался он «единым чистым желанием блага своему Отечеству»³⁷.

Выслуженные чины и дворянство не принесли никаких богатств человеку, который «всевозможное попечение прилагал к отправлению своей должности, оставляя личные выгоды, и чужд был корысти». Так, Шестаков «десять лет не пользовался казённой квартирою, на которую директорам, как известно по прочим губерниям, выдаётся до 300 руб. ежегодно, не получал до основания гимназии дров, коих положено отпускать директорам». Взяв, как поступали для заработка многие учителя, к себе на постой учеников-пансионеров, он делал это себе в убыток. Плата с них не оправдывала тех расходов, которые Шестаков понес на их содержание. Хотя новым школьным уставом Александра I директорский оклад равнялся 800 руб., однако до 1817 г. саратовский директор получал только по 500 руб. в год. Не улучшила его состояния и женитьба на дворянке. Его вдова писала после смерти мужа: «Я, выходя замуж, принесла в приданое 60 душ, которые, хотя и остались за мною, однако все заложены в банк и землёю весьма недостаточны. По сему залогоу и по частным займам всех долгов составилось до 12 тысяч рублей, но казенная сумма гимназии осталась неприкосновенною. Долги сии суть необходимое следствие бескорыстия покойного, и ограниченного в пятистах рублях заключавшегося жалования его, которое, для поддержания в обществе носимого им звания, было крайне недостаточно». Средств не доставало не только на представительство, но и на сколь-

нибудь сносное содержание семьи, в которой было 5 детей, в том числе старший сын – слабоумный инвалид³⁸.

Несомненно, Шестаков исходил из интересов «успешнейшего в России просвещения» в широком смысле этого слова, но в собственном понимании. Долгий опыт учительской службы настраивал саратовского директора на критический лад к либеральным мечтам. Пока необразованной остается значительная часть дворянства — господствующего сословия, пока социальные роли учащихся и учащих кажутся непривлекательными, пока общеобразовательная школа не вызывает симпатий у людей благородного происхождения, до тех пор в России идеи просвещения не смогут в полной мере расширять влияние и приводиться в действие. Профессионального педагога также разочаровало отсутствие пользы давать полный курс обучения детям из низших сословий, составлявших подавляющее большинство учеников и не имевших за редким исключением перспектив приложить полученные знания на государственной службе или развить их в учебных заведениях более высокого уровня.

В рассуждения Шестакова вкрались ошибки, поскольку он исходил из представления об утилитарной ценности образования и предположения о незыблемости строя русской жизни, сложившегося к рубежу XVIII–XIX вв. Педагогическая утопия консервативного плана, созданная представителем зарождающейся разночинной интеллигенции, была определенной реакцией на некоторые неудачи образовательной реформы Екатерины II. Неудачи эти, в свою очередь, говорили о том, что русская самодержица также строила утопию, но весьма либеральную, полагая возможным создать одну из самых современных и модернизированных систем образования в мире, игнорируя крепостной и абсолютистский характер России того времени.

Вместо высокой, хотя малореальной мечты с помощью просвещения изменить к лучшему все общество³⁹, предлагалась в духе «века просвещения», который именуют также «веком разума»⁴⁰, рациональная с виду мысль приспособить школу к существующему социальному строю, не допускавшая каких-либо его преобразований даже в будущем. Несомненно, в этом споре правы оказались российские «философы на троне», Екатерина II и Александр I, которые при некотором идеализме все же вывели со своими сподвижниками российское просвещение на магистральную дорогу предстоящих, пусть и отдаленных успехов. Однако уже на начальном этапе введения массового школьного образования не все русское общество приняло стратегические цели «просвещенного абсолютизма».

Странная коллизия русской мысли и реальности. С одной стороны, аристократическая среда выдвигала либералов, реформаторов, «просвещенных бюрократов»⁴¹, а то и радикальных вольнодумцев. С другой стороны, некоторые провинциальные разночинцы – первые представители педагогической

интеллигенции призывали не торопить перемены, к которым страна не была готова, свернуть в области образования на путь школьного строительства по сословному признаку.

Речь шла о двух принципиальных подходах к развитию общеобразовательной школы, реально сложившихся в разное время верховной властью. В 1803–1804 гг. при Александре I, продолжавшем либеральную образовательную политику своей бабки, мысли А. И. Шестакова на четверть века предвосхищали идеи школьного Устава 1828 г., определившего усиление сословного фактора в просвещении при Николае I. Преобладающее воплощение каждого из подходов в дальнейшем обуславливалось общим ходом социально-политического развития страны и эффективностью самого школьного дела. Это воплощение также зависело от отношения властей и различных групп российского общества, включая его провинциальную часть, к целям, методам, результатам народного образования.

Рядовые деятели просвещения в силу своего общественного положения не имели возможности реально влиять на разработку правительственной политики в области образования. Если их идеи оказывались воплощенными в практику, то это свидетельствовало об адекватном отражении и осознании в провинциальной интеллектуальной среде взглядов, широко распространенных во всем русском обществе. Вероятно, именно в этом заключено основное значение идей, изложенных в записке Шестакова.

Шестаков связал в своей судьбе два этапа русского «просвещенного абсолютизма», две школьные реформы, предпринятые Екатериной Великой и Александром I. Более того, он во многом предугадал дальнейшую эволюцию российской школы, которая происходила при Николае I, хотя до этого царствования он не дожил. Шестаков также показал себя опытным профессиональным педагогом. Без сомнения положительный опыт директорства Шестакова и его тесного сотрудничества с губернскими администрациями Симбирска и Саратова послужил одним из источников курса на постепенную передачу управления школьным делом в руки специалистов.

Примечания

- 1 См.: *Арнольдов М.* К материалам для истории просвещения в России в эпоху Александра I. Учреждение в Саратове гимназии и первые ее директора : Шестаков и Ченькаев. Тифлис, 1870.
- 2 См.: *Семенов В. Н., Семенов Н. Н.* Саратов дворянский // *Волга*. 1998. № 11–12. С. 36.
- 3 См.: *Майорова А. С.* История культуры Саратовского края. Культура Саратовского края до начала XX века. Ч. 1 (Конец XVIII – первая половина XIX века). Саратов, 2013. С. 152–154.
- 4 НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 257. Л. 20; Д. 1054. Л. 14 и об.

- ⁵ См.: *Духовников Ф. В.* Первые страницы саратовской мужской гимназии. (По делам Саратовского депутатского собрания и другим источникам) // Труды СУАК. Саратов, 1893. Т. 4, вып. 2. С. 43.
- ⁶ См.: Саратовский край. Исторические очерки, воспоминания, материалы. Вып. 1. Саратов, 1893. С. 51, 54.
- ⁷ РГАДА. Ф. 17. Оп. 1. Д. 76. Л. 98 об.–99.
- ⁸ НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 769. Л. 60 об.–61.
- ⁹ РГИА. Ф. 730. Оп. 2. Д. 1564. Л. 2 об., 5, 25 об.–26; НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 1054. Л. 1.
- ¹⁰ НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 306. Л. 4.
- ¹¹ См.: *Рождественский С. В.* Очерки по истории систем народного просвещения в России в XVIII–XIX веках. СПб., 1912. Т. 1. С. 583.
- ¹² См.: Описание дел архива Министерства народного просвещения. Пг., 1917. Т. 1. С. 50.
- ¹³ См.: *Рождественский С. В.* Указ. соч. С. 584.
- ¹⁴ РГИА. Ф. 730. Оп. 2. Д. 1248. Л. 8.
- ¹⁵ См.: Описание дел архива Министерства народного просвещения. С. 63.
- ¹⁶ НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 26. Л. 1а.; Д. 769. Л. 63.
- ¹⁷ РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 109.
- ¹⁸ НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 26. Л. 21–36 об.
- ¹⁹ РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 109. Л. 2–3.
- ²⁰ См.: *Майорова А. С.* История культуры. С. 152–154.
- ²¹ См.: «Позволено... учредить в городе... пансион». Документы Национального архива Республики Татарстан по истории частных учебных заведений в Поволжье. Конец XVIII – начало XIX в. // Отечественные архивы. 2006. № 4. С. 82–102.
- ²² См.: *Майорова А. С.* Культура и повседневная жизнь дворянства Саратовской губернии в конце XVIII – первой половине XIX века // Российская история. 2010. № 4. С. 118–134.
- ²³ РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 109. Л. 3 об.–4 об.
- ²⁴ НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 26. Л. 3, 18 об., 28.
- ²⁵ РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 109. Л. 5 об.–6.
- ²⁶ См.: *Бирюкова А. Б.* Социокультурные аспекты градостроительной деятельности в конце XVIII – середине XIX в. (по материалам Среднего Поволжья) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 6–2 (44). С. 34, 36.
- ²⁷ См.: *Бирюкова А. Б.* Социокультурный облик образовательных учреждений провинциальных городов дореформенной России (по материалам Среднего Поволжья) // Наука и культура России : материалы VIII междунар. науч.-практ. конф. Самара, 2011. С. 17.
- ²⁸ НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 769. Л. 62 об.–63.
- ²⁹ Там же. Д. 26. Л. 35; РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Ч. 111. Д. 57910. Л. 3 об.
- ³⁰ НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 26. Л. 30 об.
- ³¹ РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 109. Л. 7 об.–8.
- ³² Там же. Л. 12.
- ³³ См.: *Смирнов Ю. Н.* Жители провинциального города. Самарские рукописи РГО // Центр и периферия. 2014. № 1. С. 12–21.
- ³⁴ См.: *Дашкевич Л. А.* Школа в социокультурной среде уральского города конца XVIII – первой половины XIX века // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 1 : Проблемы образования, науки и культуры. 2006. Т. 45, № 20. С. 221.
- ³⁵ РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 109. Л. 12 об., 13 об.
- ³⁶ Там же. Л. 4 об.
- ³⁷ Там же. Л. 36.
- ³⁸ НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 1054. Л. 9 об. – 10.
- ³⁹ См.: *Артамонова Л. М.* Взаимосвязь крестьянского вопроса и школьной реформы в правление Екатерины II // Русь, Россия. Средневековье и Новое время. 2011. № 2. С. 205–209.
- ⁴⁰ См.: *Орлов А. С., Смирнов Ю. Н.* Жажда познания. Век XVIII. М., 1986. С. 11.
- ⁴¹ *Акульшин П. В.* П. А. Вяземский. Власть и общество в дореформенной России. М., 2001. С. 6.

УДК 821. 161. 1. 09+398(47)+94(470.44)+929 Шевырев

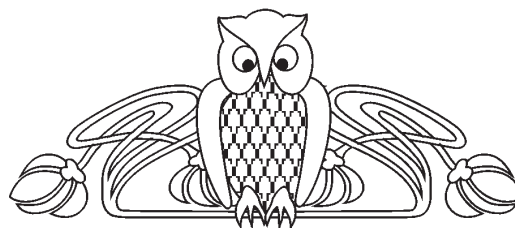
С. П. ШЕВЫРЕВ И ЕГО СВЯЗИ С САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНИЕЙ

А. С. Майорова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: majorova-as@mail.ru

С. П. Шевырев был уроженцем Саратовской губернии, но его имя до последнего времени редко встречалось в трудах саратовских историков. В статье показано, каково было влияние культурной среды Саратова на формирование его личности и творческих устремлений. Связи с родной губернией оказались важными для Шевырева и в период, когда определились его научные интересы, и когда он занимался собиранием фольклора на ее территории.

Ключевые слова: культурная среда Саратова, саратовский театр, саратовские дворяне, собрание П. В. Киреевского, народные песни.

S. P. Shevryyov and his Ties with Saratov Province

A. S. Mayorova

S. P. Shevryyov was a native of Saratov province, but until recently his name was not often mentioned in the works of Saratov historians. The article explains the impact of Saratov culture on the development of his personality and creative pursuits. The connections with his native province were important for Shevryyov both when he was defining his academic interest and when he was collecting folklore there.

Key words: Saratov culture, Saratov theatre, Saratov noblemen, Kireevsky's collection, folk songs.

DOI: 10.18500/1819-4907-2016-16-2-217-223